

Тереза Оболевич Эстетика А.Ф. Лосева и некоторые западные эстетические концепции^{*1}

1. КОНТЕКСТ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Имя А.Ф. Лосева (1893–1988) ассоциируется в первую очередь с его исследованиями в области эстетики. Его фундаментальные работы в этой области – начиная с раннего «восьмикнижия» и заканчивая такими исследованиями, как «История античной эстетики» в восьми томах (с учетом того, что два последних тома вышли в двух книгах, можно сказать, что их всего двенадцать), за которую в 1986 г. он получил Государственную премию, а также «Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э.», «Эстетика Возрождения», «Исторический смысл эстетики Возрождения» и «Античная музыкальная эстетика» (первый том серии «Музыкальная эстетика»), не говоря о многочисленных статьях – вписываются в неоплатоновскую, патристическую и феноменологическую эстетическую традицию². В этом году мы отмечаем 100-летнюю годовщину выхода первых работ Лосева, посвященных именно музыке («Два мироощущения» и «О музыкальном постижении любви и природы», 1916)³. Стоит напомнить,

¹ Использованы значительно измененные и расширенные фрагменты моих работ: Т. Оболевич, *От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование*, пер. Е. Твердисловой, М.: ББИ, 2014, с. 369-371, 374-379, 393-397; Т. Obolevitch, "Estetyka w rozumieniu Władysława Tatarkiewicza i Aleksego Łosiewa. Próba analizy porównawczej", в: *Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria*, 2, 2014, s. 59-61, 64-65, 68.

² См. V. Bychkov, "Russian Aesthetics of the Early Twentieth Century on the Essence of Art", in: *Celebrating Creativity. Essays in Honor Celebrating Creativity: Essays in Honour of Jostein Bortnes*, ed. A. Grimstad, I. Lunde, Bergen: University of Bergen, 1997, pp. 326-329, 336.

³ См. К.В. Зенкин, *Музыка – Эйдос – Время. А.Ф. Лосев и горизонты современной науки о музыке*, М.: Памятники исторической мысли, 2015, с. 22, 54-56.

* Доклад на конференции "Богословие, культура, общество: мифы и реальность", организованной ББИ 14 мая 2016 г. (см. с. 310-312).

что в 20-е годы Лосев читал в Московской консерватории курс истории эстетики, а в 1923 г. был членом комиссии по изучению художественной формы в Государственной Академии художественных наук⁴. Он был одним из основоположников развития эстетики в СССР, находящейся в то время в довольно плачевном состоянии⁵.

В то же время, попытки публикации работ Лосева (в том числе, по эстетике) сталкивались со многими препятствиями. Еще в 1934 году, после возвращения философа из лагеря, у него возник замысел создать на основе своих консерваторских лекций фундаментальную работу, посвященную античной эстетике, которую по совету члена ЦК ВКП(б) П.Ф. Юдина он хотел напечатать в издательстве «Искусство». Однако цензура запретила эту книгу, мотивируя свое решение тем, что автор якобы не умеет «противопоставлять материализм и идеализм»⁶. В 1936 г., а затем в 1940 г. были даже подписаны издательские договора, однако, как отмечает А.А. Тахо-Годи, «рукопись в апреле 1941 г. передали на редактирование, но тут же забрали назад и переслали в Главлит»⁷, откуда она вернулась в первую неделю войны, а вскоре была уничтожена во время бомбардировки. Первый том «Истории античной эстетики» вышел только в 1963 г., а последние тома – уже после смерти философа. В 30-е годы Лосев надеялся, что его замысел будет осуществлен сотрудниками Института философии Коммунистической Академии, но получил ответ, что работа над «Историей античной эстетики» невозможна по причине нехватки специалистов. В конечном счете, философ написал объемнейший труд один, зато выразил в нем свое собственное видение не только эстетики, но и всей античной философии. По словам А.А. Тахо-Годи, «История античной эстетики»

была особенно дорога Алексею Федоровичу. В ней тесно переплетались философия и мифология. Ведь чем древнее они, тем и выразительнее, а значит, по Лосеву, эстетичны. Но главное – здесь воплощался давний лосевский принцип «Высшего синтеза». Разные ступени античной культуры вырисовываются в органической целостности философии,

К этому событию приурочены XV «Лосевские чтения», которые в сентябре 2016 г. проведет «Дом Лосева» совместно с Московской консерваторией.

⁴ См. А. Dobrokhotoy, “GAKhN: an Aesthetics of Ruins, or Aleksey Losev’s Failed Project”, *Studies in East European Thought*, vol. 63, 1, 2011, pp. 31-42.

⁵ См. Л. Ржевский, “Без парусов”, в: *Посев*, 46, 1950, с. 11-12; J.P. Scanlan, “A.F. Losev and the Rebirth of Soviet Aesthetics after Stalin”, in: *Contemporary Marxism*, ed. J.J. O’Rourke et al., Dordrecht and Boston: D. Reidel Publishing Co., 1984, pp. 221-235.

⁶ А. Тахо-Годи, “‘История античной эстетики’ А.Ф. Лосева как философия культуры”, в: *А.Ф. Лосев, История античной эстетики*, т. 1, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 8-9.

⁷ Там же, с. 9.

науки, религии, искусства и нравственности, создавая единый и долгий путь от язычества к христианству⁸.

Примечательно, что бывший близкий сотрудник Алексея Федоровича, Вячеслав Шестаков (соавтор книги «История эстетических категорий», 1965) обвинил его ни много ни мало — в краже его идеи, касающейся работы «Эстетика Возрождения»⁹, что лишний раз показывает непростую атмосферу, в которой приходилось творить Лосеву.

В тот же самый период протекало творчество известнейшего польского философа и эстетика Владислава Татаркевича (1886–1980), автора переведенной на русский язык «Истории шести понятий»¹⁰ и трехтомных работ «История философии» и «История эстетики» (1960–1967); первые тома этих книг также существуют в русской версии¹¹. Лосев был знаком с работами Татаркевича и высоко их ценил¹². Тот также мог слышать о Лосеве, поскольку в 60-80-е годы прошлого века в польских журналах появились некоторые его статьи и упоминания о нем¹³; более того, Татаркевич

⁸ А.А. Тахо-Годи, *Жизнь и судьба: Воспоминания*, М.: Молодая гвардия, 2009, с. 607. Ср. А.А. Тахо-Годи, “Термин ‘красота’ и родственная с ним терминология в ‘Истории античной эстетики’”, в: *Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дам А.Ф. Лосева»*, вып. 19, М.: Водолей, 2014, с. 114.

⁹ См. В. Шестаков, *Подъемы и падения интеллектуализма в России. Мои воспоминания*, М. — СПб.: Нестор-История, 2015, с. 80: “Я предполагал ... написать свою книгу ‘Эстетика Возрождения’, о чем Лосев хорошо знал. ... Но мои планы были нарушены и, в конце концов, привели к разрыву наших отношений. Однажды, придя к нему в гости, я увидел в его руках его собственную, только что изданную в издательстве ‘Мысль’ книгу ‘Эстетика Возрождения’. (...) Лосев знал, что в советское время нельзя было выпускать две книги на одну и ту же тему, тем более что он уже использовал название моей планируемой книги. Выпуская свою книгу, он отнимал у меня возможность публикации уже подготовленной рукописи. (...) Но я не обиделся на него, понимая, что ему, как старшему и заслуженному человеку, надо было уступить дорогу”.

¹⁰ В. Татаркевич, *История шести понятий*, М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.

¹¹ В. Татаркевич, *История философии. Античная и средневековая философия*, пер. В.Н. Кваскова, Пермь: Издательство Пермского университета, 2000; В. Татаркевич, *Античная эстетика*, М.: Искусство, 1977.

¹² См. А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 1, с. 592-593; А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 4, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 857, 863; А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 5, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 915; А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 8, кн. 2, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 595; А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков, *История эстетических категорий*, М.: Искусство, 1965, с. 64.

¹³ См. К. Burak, “Wp̄rosy estetyki, 1968”, в: *Studia Estetyczne*, 7, 1970, s. 319-320; “Jubileusz prof. dr Aleksieja Łosiewa”, в: *Meander*, 2, 1979, s. 108; А. Тахо-Годи, “Jubileusz profesora Łosiewa”, tłum. А. Gutorski, в: *Meander*, 7, 1979, s. 335-338 и др. См. Т. Obolovitch, “Twórczość Aleksego Fiodorowicza Łosiewa w Polsce”, в: *Polskie badania filozofii rosyjskiej. Przewodnik po literaturze. Część druga*, red. L. Kiejzik, J. Uglik, Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2012, s. 263-266.

прекрасно говорил по-русски и дважды был в России (сначала в юности, а уже будучи заслуженным профессором прочел лекцию в Московском университете и принял участие в дискуссии в Российской Академии Наук)¹⁴. Тем не менее, прямых свидетельств и ссылок на Лосева мы у него не находим.

Эстетика Татаркевича тоже создавалась в трудных условиях цензуры. В 50-е годы ему на шесть лет запретили преподавать в Варшавском университете. По воспоминаниям польского ученого, это имело свои хорошие стороны: «у меня неожиданно появилось много свободного времени и могла возникнуть “История эстетики”»¹⁵. В то время как Татаркевич мог свободно перемещаться и работать в лучших зарубежных центрах (в т.ч., в Париже, где писал вышеупомянутую книгу), Лосев был вынужден оставаться в СССР, хотя выписывал необходимую ему литературу на нескольких языках, благодаря чему также его труд имеет не локальную, а всемирную значимость и значение.

Лосев и Татаркевич рассматривали эстетику с исторической перспективы, а вместе с тем создали ее оригинальные интерпретации. Польский автор прежде всего стремился как можно точнее реконструировать развитие основополагающих эстетических категорий, терминов и «понятийных схем», начиная с античности и заканчивая XX веком. В свою очередь, русский мыслитель проводил терминологические анализы преимущественно с целью обоснования собственных философских взглядов, которых не мог открыто выразить ввиду цензуры. Это являлось одной из причин, по которой его эстетическая концепция объемлет по сути всю философию.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭСТЕТИКИ

Считается, что эстетика появилась в XVIII веке, с выходом в свет труда Александра Г. Баумгартена (1750–1758) «Эстетика» («Aesthetica»), а ее предметом является область прекрасного. Лосев изначально отстаивал иную точку зрения. По его убеждению эстетика – это наука о «выражении», или «выразительности», то есть проявлении того, что внутренне, в том, что внешне. Вот одно из его определений: «Эстетика не есть просто учение о красоте, поскольку она изучает также и безобразное, иронию, юмор, трагическое, комическое и т.д.»¹⁶. Точнее говоря, Лосев считал, что

¹⁴ См. W. Tatarkiewicz, “Zapiski do autobiografii”, in: T. i W. Tatarkiewiczowie, *Wspomnienia*, Warszawa: PIW, 1979, s. 170-171.

¹⁵ Ср. там же, s. 119.

¹⁶ А.Ф. Лосев, “Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины”, в: *Эстетика и жизнь*, вып. 6, ред. М.Ф. Овсянников et al., М.: Искусство, 1979, с. 222;

эстетические категории — это не только красивое и элегантное (когда имеет место гармония идеи и ее выражения, внутренней и внешней стороны вещей), но и категория безобразного, низменного — если образ выражает больше, чем это предполагает идея (напр., образ червяка выпячивает малость, никчемность); возвышенного, пафоса — когда, в свою очередь, выражение не равно идее, например, образ звездного неба не передает величия вселенной); комического, юмора — реализация категории низменного, когда образ, результат неадекватен ожидаемому замыслу, например, бег клоуна, когда в действительности спешки нет); трагического — производного от категории возвышенного, когда мы сожалеем, что великая идея не была реализована полностью (напр., благородный Эдип оказывается убийцей), а также «мера», «гармония», обозначающие надлежащее положение вещей, идеал; «ирония» — такое выражение, которое противопоставлено выраженной идее: («да» означает «нет» и наоборот); «гротеск» (выражение, фантастическое по своему характеру) и др.

А в своей энциклопедической статье, являющейся, по оценке американского историка русской философии Джеймса Скэнлана, «информативным аналитическим очерком развития эстетической теории от досократиков по настоящее время»¹⁷, Лосев определял, что предметом эстетики является «эстетическое», которое

есть прежде всего некоторое чувственно-предметное бытие, некий эмпирия, факт, имеющий сложный физико-физиолого-психолого-социальный состав. Это эмпирия, бытие в его чувственных качествах есть бытие некоторого нераздельно слитого с ним (но вместе с тем и отличного от них) смысла, и только как явленная данность этого смысла оно является эстетическим¹⁸.

И далее: «В эстетическом все чувственно и осязаемо и в то же время все осмысленно и выразительно»¹⁹. Итак, «словно можно сказать, что в художественном произведении форма и есть содержание, а содержание — форма, настолько они неразрывно слиты в нем»²⁰.

А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 6, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 733; А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 8, кн. 1, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 391.

¹⁷ J.P. Scanlan, "The New Soviet 'Philosophical Encyclopedia' III: The Coming of Age of Soviet Aesthetics: An Examination of the Articles on Aesthetics in the New Soviet 'Filosofskaja Enciklopedija'", *Studies in Soviet Thought*, vol. 13, 3/4, 1973, p. 327.

¹⁸ См. А.Ф. Лосев, "Эстетика", в: *Философская энциклопедия*, т. 5, ред. Ф.В. Константинов и др., М.: Советская энциклопедия, 1970, с. 575.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ю.А. Огородников, "Из истории русской эстетической мысли XIX — XX веков", *Вестник московского городского педагогического университета*, № 1, 2013, с. 103.

Совершенно очевидно, что на подобное понимание эстетики и ее предмета имела влияние теория итальянского философа Бенедетто Кроче (1866–1952), который в начале XX века рассматривал эстетику именно как науку о экспрессии²¹, в связи с чем также язык трактовал как «эстетический факт», а эстетику — как общее языкознание. В подобном духе рассуждал и Лосев: «Настоящее языкознание это эстетика, наука о выражении. Вещь, имя, выражение, ведь это в каком-то смысле одно и то же»²². Однако итальянский философ (также, как и В. Татаркевич) подходил к эстетике с психологической стороны; более того, отделял искусство от точных и математических наук, считая его алогичным, интуитивным и созерцательным, что противоречит самой природе математики. Для Лосева же (подобно как и для Макса Шелера²³, хотя по другим причинам), эстетика имела онтологический, метафизический характер по преимуществу, о чем ниже. По мнению русского неокантианца В. Сеземана, «после эстетики Когена труд Лосева — первая серьезная попытка определить место эстетики в системе философии; и притом, в отличие от Когена, построение, обоснованное онтологически»²⁴.

Следует отметить, что и Татаркевич (также прошедший школу неокантианства) в определенной (хотя небольшой) степени находился в зависимости от Кроче и рассматривал искусство как экспрессию²⁵, т.е. выражение того, что находится в уме художника. Данное определение и роднит, и различает эстетические концепции польского и русского философов. Последний, как только что было отмечено, подчеркивал, что эстетика есть наука о выражении или, согласно терминологии Лосева — символе — *реальном*

²¹ См. Б. Кроче, *Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика*, М.: Intrada, 2000; J. Voskresenskaia, "The Real Beauty as Spirit of Facts, The World by A.F. Losev", в: *Logos i Ethos*, 2, 2012, p. 29.

²² В.В. Библихин, "Алексей Федорович Лосев", в: *Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев*, М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2004, с. 15 (запись от 27 июня 1970 года). А.А. Тахо-Годи предупреждает, что "на Библихина следует ссылаться осторожно: в его записях достаточно ошибок, вполне субъективных собственных мнений, не принадлежащих А.Ф., а также недостоверных слухов". А.А. Тахо-Годи, "А.Ф. Лосев — философ и символ сам по себе", в: А.Ф. Лосев, *Проблема символа и реалистическое искусство*, М: Русский мир, 2014, с. 21; ср. А.А. Тахо-Годи, *Жизнь и судьба: Воспоминания*, с. 665. Однако данное высказывание вполне соответствует лосевской концепции.

²³ М. Scheler, "Metaphysik und Kunst", в: *Deutsche Beiträge I*, München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1946-1947, s. 103-120.

²⁴ В.Э. Сеземан, "Рецензия на книгу: А.Ф. Лосев диалектика художественной формы. 248 стр. Москва 1927 издание автора", в: *СОФИЯ: Альманах*, вып. 3: Евразийство и А. Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли, ред. Р.Р. Вахитов и др., Уфа: Уфимское религиозно-философское общество им. А.Ф. Лосева, 2013, с. 269.

²⁵ W. Tatarkiewicz, "Czy w dziejach estetyki był postęp?", в: *Kultura i Społeczeństwo*, 3, 1971, s. 41; В. Татаркевич, *История шести понятий*, с. 39.

проявлении внутреннего во внешнем, объективно существующей идеи в материи, а не только выражении субъективных эмоций или настроений художника. В его понимании символ (т.е. выражение) есть «полная и абсолютная тождественность “сущности” и “явления”, “идеального” и “реального” и “бесконечного” и “конечного”»²⁶, «тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности»²⁷. В отличие от Лосева, Татаркевич трактовал «экспрессию» как выражение чувств, характеров и т.п. художника, которое в области литературы может осуществляться с помощью символов, хотя символ не является выражением как таковым²⁸. Иными словами, Татаркевич был приверженцем воззрения, согласно которому прекрасное как эстетическая ценность имеет некое объективное значение, однако не существует самостоятельно (в божественной сфере), а осуществляется только в процессе эстетического переживания и по этой причине имеет объективно-субъективный характер²⁹.

Лосев напоминал о традиционном делении категорий на эстетические («прекрасное») и художественные (описывающие произведения искусства), но при этом считал, что в действительности между ними трудно провести демаркационную линию, поскольку многообразные категории представляют разные аспекты эстетического. По мнению русского философа, в то время как общая эстетика как наука об «эстетическом» в целом занимается характеристикой категорий сферы смысла и его выражения, частная эстетика исследует соотношения данных категорий в конкретных областях, например, изобразительном искусстве.

Татаркевич же полагал, что понятие «эстетического» в качестве предмета эстетики слишком широко и неопределенно и не позволяют создать общую теорию этой дисциплины³⁰. По его убеждению, к эстетическим категориям нельзя отнести таких фундаментальных для Лосева понятий, как трагическое, комическое или уродство (как противоположность прекрасного)³¹. Итак, несмотря на сходства в определении эстетики, ее предмет понимался Лосевым и Татаркевичем по-разному.

²⁶ Ср. А.Ф. Лосев, “Вещь и имя”, в: *Вещь и имя. Самое само*, СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008, с. 110.

²⁷ А.Ф. Лосев, *Проблема символа и реалистическое искусство*, с. 77-78.

²⁸ См. W. Tatarkiewicz, “Ekspresja i sztuka”, в: *Droga przez estetykę*, Warszawa: PWN, 1972, s. 126.

²⁹ Ср. А. Кsiążек, *Filozofia wartości. Rzecz o dobru, szczęściu, prawdzie i pięknie w ujęciu Władysława Tatarkiewicza*, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994, s. 34.

³⁰ См. W. Tatarkiewicz, “Czy w dziejach estetyki był postęp?”, с. 61, 68.

³¹ См. А. Кsiążек, *Filozofia wartości. Rzecz o dobru, szczęściu, prawdzie i pięknie w ujęciu Władysława Tatarkiewicza*, с. 37.

3. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И КОНВЕНЦИАЛИЗМ

Стоит привести очередное высказывание Лосева, которое раскрывает еще один аспект его понимания эстетики. По его словам,

Художественное произведение, конечно, входит в область явлений природы, для которых необходимость характернее всего. Но в то же самое время от подлинного художественного произведения всегда веет какой-то свободой. Оно погружает нас в атмосферу беззаботной и привольной свободы³².

Что является причиной этой свободы? Дело в том, что Лосев, подобно Аристотелю, неоплатоникам, Фоме Аквинскому и Канту, считал, что характерной чертой эстетического образа является самодостаточность, т.е. трактовка его как самостоятельной ценности. «Эстетическое выражение есть предмет *самодовлеющего созерцания*, предмет *бескорыстного любования*»³³. Таким образом, произведение искусства говорит само за себя. Оно не требует ясных указаний на его прагматические цели и не нуждается «ни в каких причинных объяснениях (хотя этих последних может быть и должно быть сколько угодно), а воспринимается и формулируется в одном цельном и нераздельном акте эстетического восприятия»³⁴. По этой причине художественная выразительность по своему характеру имманентна, то есть она не выходит за границы данной предметности. Вслед за Платоном, а также Шиллером, Карлом и Эрнстом Гроссе и Гадамером³⁵ Лосев трактовал художественную форму как игру, которая лишена каких-либо утилитарных, потребительских целей³⁶. По мнению русского философа, каждое подлинное произведение искусства заключает в себе игровой элемент.

На особое внимание заслуживает отношение Лосева к эстетической концепции Канта, который был первым философом, после Баумгартена, который начал рассматривать эстетику как самостоятельную науку, а искусство — как специфическую область³⁷. По-

³² А.Ф. Лосев, «Диалектика творческого акта», в: *Контекст-81. Литературно-теоретические исследования*, ред. А.С. Мясников и др., М.: Наука, 1982, с. 68.

³³ А.Ф. Лосев, «Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины», с. 222.

³⁴ А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 1, с. 537.

³⁵ См. Г.-Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного*, пер. М.П. Стафещкой, М.: Искусство, 1991, с. 286 и далее.

³⁶ См. А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 2, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 622-627; А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 3, М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000, с. 292-295.

³⁷ См. А.Ф. Лосев, «Понимание стиля от Бюффона до Шлегеля», *Литературная учеба*, 1, 1988, с. 161.

добно Плотину Кант подчеркивал аспект бескорыстия и чистоты красоты, совпадающей с удовольствием. Но в то время как «старец с Арбата» разделял позицию Плотина, согласно которой подлинным источником искусства является не творчество художника, а Абсолют-Единое³⁸, Кант рассматривал ее с антропологической точки зрения: он «все сознательное, интеллигентное, включая гений и воображение, (...) загнал в человеческого субъекта и его пределами ограничил»³⁹. Эстетический синтез кенигсбергский философ локализирует «не в смысловой целостности мира, но исключительно в суждениях вкуса и ограничивает масштаб его притязаний рамками этих суждений»⁴⁰. Возражая Канту, Лосев стремился показать объективную, в определенной степени самодостаточную ценность области искусства и творчества, хотя зависимую от абсолютного Единого (но не от человеческого сознания). Русскому философу был ближе «новый объективизм» или «идеал-реализм» Шеллинга⁴¹, провозглашавшего принцип: «то, что идеально, в то же время и реально»⁴². Лосев находил в этом сходство с неоплатонизмом, в результате чего эстетика Шеллинга обрела утраченное Кантом онтологическое измерение:

Идея, которая все объединяет, идея красоты в самом высшем платоновском смысле слова. Я убежден, что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический и что истина и благо соединяются родственными узлами лишь в красоте. ... Философия духа — это эстетическая философия⁴³.

Однако для Шеллинга искусство было не столько божественным по своей природе, сколько должно стать таковым в результате творческой деятельности человека. Шеллинг разрешал проблемы (в том числе, философии искусства и эстетики) в направлении тотальности, уничтожения противоречий (отсюда его «философия тождества»). Гегель продолжил эту тенденцию, доказывая

³⁸ См. Т. Оболевич, «Онто-теологические основания эстетики: Плотин и Лосев», в: *Богословие красоты*, ред. А. Бодров, М. Толстолуженко, М.: Издательство ББИ, 2013, с. 189-195.

³⁹ А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 6, с. 751.

⁴⁰ Т.С. Караченцева, «Эстетика как проблема синтеза. Лосев contra Кант», в: *Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции*, ч. 1, ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, М.: Библиотека Дома Лосева, 2013, с. 218.

⁴¹ См. А.Ф. Лосев, *История античной эстетики*, т. 6, с. 760.

⁴² Цит. по: А. Гульга, *Шеллинг*, М.: Молодая гвардия, 1984, с. 29; см. А.Ф. Лосев, «Диалектика в немецкой эстетике конца XVIII века», в: *Диалектика в немецкой эстетике конца XVIII века*, ред. А.А. Тахо-Годи и др., М.: Наука, 1991, с. 215.

⁴³ Ф.В.Й. Шеллинг, *Первая программа системы немецкого идеализма*. Цит. по: А. Гульга, *Шеллинг*, с. 8.

тождество внешнего и внутреннего⁴⁴ и выводя одни категории из других. Тем не менее, для Гегеля искусство было первоначальным моментом абсолютного духа, что вело к абсолютизации человеческой личности. Полемицируя с этой установкой, Лосев акцентировал поляризацию и диалектику напряжения, определенным образом используя характерную для восточно-христианской традиции дихотомию Божественной сущности и энергии и экстраполируя ее на другие философские проблемы. По его глубокому убеждению творческий процесс есть процесс теургический, богочеловеческий, а значит, имеет реалистический характер.

Лосев признавал, что начатая в новое время психологическая тенденция в эстетике возобладала, примеры чего можно найти в модернизме, особенно импрессионизме, где подчеркивался тот или иной аспект представляемой действительности (в данном случае — с помощью красок и их оттенков), в результате чего можно было отлично передавать человеческие чувства, хотя искусство начало утрачивать при этом свою изначальную многоплановость. Происходило нарушение равновесия содержания и формы, а изначальный онтологизм стал уступать место субъективизму и индивидуализму. В эстетике все большее значение стала получать фантазия, а иногда и утопия. Своего апогея эстетическая мысль достигла в символическом течении, где литературный образ одновременно дан (как символ-манифестация объективной Божественной действительности) и задан (будучи отражением творческой интенции человека).

Плохо ли это? Является ли психологизм изменой онтологической установке Плотина и античной эстетики в целом? Ответ вовсе не так однозначен, поскольку согласно Лосеву следует выделить основополагающие эстетические категории — выражения (т.е. символы) первой степени (суть которых — уже упомянутое выражение внутреннего содержания посредством внешней формы), имеющие онтологический и объективный характер, и символы второй степени, являющиеся творческой интерпретацией изображаемой реальности (причем как самим художником-творцом, так и зрителем или читателем). Это возможно по причине того, что искусство не дублирует действительность; оно — не «фотографический» снимок действительности (впрочем, фотография

⁴⁴ См. А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков, *История эстетических категорий*, М.: Искусство, 1965, с. 183–184. Сравнительный анализ философии тождества немецких идеалистов и Лосева проведен Олегом Бычковым (О. Bychkov, “Introduction”, в: A.F. Losev, *The Dialectic of Artistic Form*, trans. O. Bychkov, München – Berlin – Washington: Verlag Otto Sagner, 2013, pp. 19–21, 72–74), который ссылается на доклад П.В. Резвых (публикация: “Ф.В.Й. Шеллинг и А.Ф. Лосев: Тезисы к постановке проблемы”, в: *Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры “Дом А.Ф. Лосева”*, вып. 12, М.: Водолей, 2010, с. 97–109).

как искусство тоже не является только копией), а образное отображение реальности, передача не столько «лица», сколько лика (о. Павел Флоренский), поскольку первообраз — даже в пределах одной и той же области искусства, например, живописи — может быть выражен многообразными способами: «искусство усложняет и модифицирует первично ощущаемое им бытие, сгущает его, желая его оформить и преобразовать»⁴⁵. Лосев уточнял, что интерпретация первообраза (как в искусстве, так и во всех проявлениях человеческой активности) не может быть при этом совершенно произвольной. Эстетический реализм не противоречит конвенциональности искусства. Позволительно сказать, что Лосев разделял в некоторой степени точку зрения Г.-Г. Гадамера, который писал, что искусство по своему характеру символично, в основе чего лежит «нерасторжимое единство намека и утаивания»⁴⁶; и как каждый символ, произведение искусства обладает специфическим характером «приращения бытия, *repraesentatio*, прибавлением бытия, которое сущее получает за счет того, что представляет самое себя»⁴⁷. По меткому замечанию Виктора Бычкова,

истинно художественный символ выражает нечто (возможно, некий аспект метафизической реальности?) таким уникальным способом, что в процессе (умонепостигаемом, естественно) этого выражения происходит его реальное становление, его реальное явление («приращение бытия» по Хайдеггеру?). Выражаемое нечто обретает свое бытие в процессе выражения (= творения)⁴⁸.

Таким образом, искусство не только отражает действительность, но и позволяет приобретать нечто большее, предполагая усилие как открытия, так и конструирования потенциальных значений. Бесспорно, что этот гадамеровский момент определенным образом соответствует лосевскому учению о символах первой и второй степени, наблюдаемых в искусстве и эстетике (как науке о выражении) в целом. Итак, Лосев разделял идею онтологизма античной эстетики и вместе с тем креативный характер эстетики Нового времени, что выражает его концепция творчества, рассматриваемого как богочеловеческий, теургический процесс. Лосевская эстетика есть эстетика религиозного материализма: «искусство — символ Божественного преображения», причем его первичная основа — это не просто «безразличный материал,

⁴⁵ А.Ф. Лосев, «Строение художественного мироощущения», в: *Форма. Стиль. Выражение*, М.: Мысль, 1995, с. 301.

⁴⁶ Г.-Г. Гадамер, *Актуальность прекрасного*, с. 299.

⁴⁷ Там же, с. 304.

⁴⁸ В.В. Бычков, «К проблеме метафизики эстетического опыта», в: *Эстетика: вчера, сегодня, завтра*, вып. 3, ред. В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская, М.: Наука, 2008, с. 18.

подлежащий оформлению», а «трагизм человеческого и мирового бытия», «символическое преобразование косной материи в свете Божественной энергии, Имени Божиего»⁴⁹.

Олег Бычков отмечает сходство эстетической концепции Лосева с некоторыми другими теориями XX века. По его мнению, можно вполне обоснованно провести параллели между диалектикой художественной формы русского философа и диалектической эстетикой Т.В. Адорно, согласно которой выражение и художественная форма «и субъективна, и объективна», а работа художника «направляется некими принципами, которые заключены в объективной реальности»⁵⁰. Бычков указывает также на связь эстетической мысли Лосева с феноменологической эстетикой М. Дюфрэнна, поскольку оба философа приходят к выводу, что «смысл эстетического объекта не субъективен или идеален, но имманентен в его объективной формальной структуре»⁵¹. Исследователь не обходит вниманием и близость парадигмы русского философа с творчеством М. Мерло-Понти, разрабатывающего «что-то вроде диалектики восприятия, которая похожа на лосевскую имяславскую модель энергии или выражения, согласно которой вещи постоянно эмануруют свои энергии (с которыми мы находимся в прямом контакте) из некоего скрытого центра, который для нас недостижим»⁵². Аналогично, «произведение искусства и его художественная форма находятся в процессе диалектики “внутреннего” и “внешнего”, не являясь ни тем, ни другим, но располагаясь точно на границе между ними»⁵³. В результате, разработанная в 20-е годы прошлого века «лосевская теория художественной формы, так же, как и предшествовавшая ей шеллинговская, ставит много интересных вопросов о природе художественной формы, которые только теперь начинают серьезно исследоваться и естественными науками, и философией: например, такие, как постановка под сомнение дихотомии объективности/субъективности, или идеи авторства произведения искусства и других культурных форм»⁵⁴.

В заключение стоит отметить, что Лосев считал, что его концепция эстетики на протяжении жизни практически не из-

⁴⁹ См. К.В. Зенкин, *Музыка – Эйдос – Время. А.Ф. Лосев и горизонты современной науки о музыке*, с. 34.

⁵⁰ О.В. Бычков, “‘Диалектика художественной формы’ А.Ф. Лосева и эстетика XXI века”, в: *Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции*, ч. 2, ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, М.: Библиотека Дома Лосева, 2013, с. 146.

⁵¹ Там же, с. 147.

⁵² Там же, с. 148.

⁵³ Там же, с. 149.

⁵⁴ Там же, с. 160.

менилась, хотя можно условно выделить его раннюю эстетику, представленную главным образом в «Диалектике художественной формы» и других работах «первого восьмикнижия», и поздние рассуждения, изложенные во «втором восьмикнижии» – «Истории античной эстетики». В письме к Л.Н. Столовичу от 30 марта 1968 г. автор писал: «В настоящее время, на старости лет, я могу только радоваться, что тогдашние мои философско-эстетические концепции отнюдь не умерли, но, пережив страшную эпоху, вновь стали проявлять себя, хотя и в другом виде»⁵⁵. Действительно, основная идея Лосева состоит в том, что эстетика – это наука о выражении или символе. В этом смысле эстетический характер имеют не только рассуждения на тему языка, литературы или музыки, но и математики, поскольку все они так или иначе касаются выражения внутреннего во внешнем, а также его интерпретации. И так, эстетика объединяет у Лосева все части философии, являясь в некотором роде ее синонимом, философией как таковой. Такого широкого понимания эстетики мы не находим ни у одного европейского философа XX века.

⁵⁵ Цит. по: А.А. Тахо-Годи, «А.Ф. Лосев – философ и символист сам по себе», с. 22.